

БУМАЖНЫЕ ДРЕДНОУТЫ НЕ ТОНУТ

Два спектакля Евгения Гришковца
на фестивале «NET».
Сцена Центра имени Мейерхольда

Глеб СИТКОВСКИЙ

«Человек — это всего лишь часть речи», — утверждал когда-то Бродский, не вдаваясь в синтаксические подробности. Если это действительно так, то Евгения Гришковца в нашем театре правильной всего было бы уподобить не гневному глаголу, не жеманному прилагательному, но смущенному междометию. Без сомнения, междометие — самая распространенная и самая важная часть его монологов, а многоточие — самый уважаемый знак препинания.

ФОТО ВИКТОРА БАЖЕНОВА

Ну... то есть... мысль изреченная ... эээ... как бы... есть ложь... А если не изречь ни единой мысли? Если обрывать ее, умную, на полуслове и тут же, досадливо махнув рукой, начинать другую? Забросай ложь междометиями, окружи ее многоточиями — она, глядишь, и отступит. Истина в междометиях.

Эту тактику Гришковец с успехом опробовал еще в тех моноспектаклях («Как я съел собаку» и «ОдноврЕмЕнно»), что пару лет назад в один момент сделали его самым модным парнем в театральной Москве. Мода — штука приятная, но опасная, и тому, кто хочет долгожительствовать в искусстве, из этой самой моды непременно надо выходить. Поэтому ясно, что после двух новых спектаклей, которые Евгений Гришковец один за другим показал в Москве на фестивале «NET», обязательно должны были появиться разочарованные. Если бы они не появились, то я бы на месте Гришковца просто расстроился.

В чем коренное отличие «Дредноутов» и «По По» от уже упомянутых «Собаки» и «ОдноврЕмЕнно»? В тех спектаклях Гришковец говорил от первого лица, делился фактами своей биографии, а тут вдруг сменил лирическую интонацию на эпическую. «Дредноуты» — это почти что историческая хроника, а «По По», где на сцене рядом с Гришковцом оказываются два латышских актера (это постановка Нового Рижского театра) — инсценировка.

Интонация, правда, остается все та же, доверительно-небрежная, да и начинаются оба спектакля приблизительно одинаково: «Я тут прочел одну книгу и хочу теперь вам ее пересказать». Книжка «Дредноуты» (не книжка, конечно,

а дорогой роскошный альбом с цветными изображениями кораблей) была куплена пару лет назад у метро «Рижская». Книжка Эдгара По была прочитана Гришковцом двенадцать лет назад, а потом вольно пересказана актерам-латышам.

«Дредноуты» в отдельные моменты заставляют припомнить список кораблей из гомеровской «Илиады». С той же дотошностью, что и слепой грек, Гришковец перечисляет корабли британского и германского флотов, сражавшиеся друг с другом в Первой мировой. Точно называет их водоземещение, имена капитанов, дальность стрельбы орудий.

Потом начинает говорить о людях, легших век назад на дно океана. Не об их жизни, а о том, как они умирали — бессмысленно и величественно. В военной историографии то, что они совершили, принято именовать подвигом, но Гришковца завораживает и восхищает именно видимая бессмысленность их смерти. Более всего, как ни странно, монологи Гришковца напоминают авторские отступления из «Войны и мира». «Какая сила движет народами? Что заставляет людей убивать себе подобных?» — спрашивал Толстой. Маленький человек в очках, внешне похожий на Пьера Безухова, снова и снова задает со сцены, в сущности, те же самые вопросы. Смысла нет или он где-то в глубине, под толщей вод, там, где лежат погибшие дредноуты.

«Спектакль, который не получился», — такой подзаголовок Гришковец дал своим «Дредноутам». Опасаясь фальши, он то и дело старается сбить градус пафоса. «Сейчас я вам прочитаю текст, который будет абсолютно графоманским», — сообщает он. — А сейчас — вот смотрите-смотрите — я пушу бумажные кораблики в тазик с водой, и это настоящий образец театральной пошлости». «Дредноуты» переполнены авторской рефлексией, которая плещется и подступает к краям спектакля. Все время кажется, что из-за этой рефлексии спектакль вот-вот пойдет ко дну. Но чудом «Дредноуты» удерживаются на плаву.

«По По» веселее и проще. Два персонажа доверительно пересказывают друг другу страшные романтические рассказы Эдгара По. Но отчего-то истории о месмеризованных покойниках и закопанных заживо людях, переданные в бытовой интонации, оказывают веселящее воздействие на зал. Часто получается что-то вроде коротеньких скетчей, с которыми прямоком можно идти на эстраду. Но Гришковец (это точно) не пойдет на эстраду. Обогнет ее и пойдет себе дальше. Как ни относиться к его последним работам, он единственный в сегодняшнем театральном пространстве ставит «спектакли, которые не получаются». У остальных, к сожалению, все всегда получается. ■